

И.В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Игорь Васильевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, академик Российской Академии образования.

Сегодня экономисты в мире страстно спорят о том, сколько процентов в годовом балансе рабочего времени общества уйдет на традиционные сферы занятости в компьютеризованном общественном производстве. Оптимисты считают, что потребуется не меньше сорока процентов. Пессимисты дают не больше двадцати. Но и те, и другие понятия не имеют, что делать с остальными 60-80%, т.е. какими рабочими местами обеспечить в такой ситуации трех или даже четырех из каждых пяти работоспособных членов общества.

Трудно поверить, что всего сто лет назад в среднем в мире, чтобы прокормить одного служащего, все равно какого - учителя, врача, писаря, нужен был труд девяноста крестьян, самих-то едва-едва, впроголодь, сводивших концы с концами. И еще десяток рабочих-ремесленников, кормившихся теми же крестьянами, снабжал всю эту публику промтоварами. При этом подавляющее большинство рабочих и значительная часть служащих не могли выжить без такого же, как у крестьян, приусадебного участка, со все теми же картошкой, овощами, коро-вами, курами и прочей флорой-фауной.

Иными словами, соотношение занятых в сельском хозяйстве, промышленности и "прочем" (госаппарат, образование, медицина и т.д.) выражалось как 90 : 9 : 1 - хоть по головам считай, хоть по часам в годовом балансе рабочего времени. Даже в США - далеко не самой отсталой стране того времени большинство составляли фермерские семьи. В России, точнее уже в СССР, не сто, а всего семьдесят с небольшим лет назад, накануне тотального погрома сельского хозяйства в 1929 г., крестьян было больше 80%, тогда как рабочих - немногим более 10%, а служащих - чуть больше 5%.

Механизация общественного производства, включая сельское хозяйство, привела к тому, что рабочие и крестьяне по своему удельному весу поменялись местами. В СССР к 80-м годам процент рабочих перевалил за шестьдесят. И мы еще сокрушались о том, что он никак не дойдет до ста: слишком медленно таял "пережиток прошлого" - крестьянство и слишком быстро плодились служащие, как их ни проклинали в партийной печати. А между тем, на Западе, загнивавшем, по нашим тогдашним понятиям, механизация дополнялась автоматизацией на основе ЭВМ. В результате стал стремительно сокращаться пролетариат. И пока мы гордились шестьюдесятью процентами "гегемонов", в США набрался почти такой же процент "белых воротничков", ничего общего с "синими воротничками" - пролетариатом не имевших. А крестьянство-фермерство вообще "съежилось" до считанных процентов - на целый порядок меньше, чем у нас. При этом и рабочие, и фермеры убывали (и продолжают убывать) год за годом. Во второй половине XX в. дело явно шло к полному перевороту в соотношении субъектов производственной структуры общества - было 90 : 9 : 1, стало стремиться к 1 : 9 : 90. Каким тут пролетариям, в каких странах и с кем соединяться, становилось все менее понятным.

Не успела механизация стать повсюду комплексной, не успел перекатиться через нее вал автоматизации, как перед глазами возникло самое настоящее цунами - компьютеризация рутинных работ, которая грозит сделать бессмысленными все только что приведенные цифры.

К России сказанное имеет пока лишь самое косвенное отношение потому что, как мы любим повторять, эту страну умом не объять и аршином общим не измерить. В печати можно вычитать сведения, согласно которым половину населения нашей страны составляют бедняки с официальным доходом в несколько сот рублей, часто меньше десятка долларов в месяц на душу населения, а еще треть - просто нищие. Тем не менее, никто из этих восьмидесяти с гаком процентов не умирает с голоду, хотя большинство питается скудно и скверно. Нашему правительству блестяще удался опыт, с которым опозорился известный анекдотический цыган. Тот целую неделю не кормил свою лошадь, и она совсем было привыкла к новой диете, но почему-то сдохла. У нас десятки миллионов людей месяцами и даже годами не получали ни зарплаты, ни пенсий. Любой

другой народ уже через неделю такого раздолья давно бы исчез с лица Земли. А мы - ругаемся, конечно, но живем.

Разгадка этой загадки, конечно же, проста. С одной стороны, натуральное хозяйство - спасительные "шесть соток" у десятков миллионов семей. С другой, "теневая экономика", кото-рая у нас соперничает с официальной "световой". На самом деле никакой границы между ними нет. "Теневое" - это не только бандит с ножом в зубах, но и вполне благопристойный про-фессор, лаборантка которого взимает с тебя 5000 "баксов", чтобы твое чадо получило липовый диплом. Потому что, где у нас кончается чиновник и начинается уголовник, это никакой науке - ни экономической, ни юридической - неизвестно.

С учетом всего этого будем обращать внимание не столько на цифры, сколько на факты. Хотя совсем без цифр факты становятся голословными. Кто постарше, помнит, наверное, что в 1988 г. население СССР накануне падения Берлинской стены, послужившего "первым камешком" распада "мировой системы социализма" и самого Советского Союза, составляло 284,5 млн. чел. и возрастало каждый год на несколько миллионов (преимущественно за счет коренного населения республик Средней Азии). Из них примерно половина входила в категорию "трудоспособных", из которых исключались еще "нетрудоспособные" дошкольники и учащаяся молодежь, до студентов включительно, а также уже "нетрудоспособные" пенсионеры - жен-щины, начиная с 55 и мужчины с 60 лет. Правда, несколько процентов лиц пенсионного воз-раста продолжало работать, потому, что перед каждым был суровый выбор: либо зарплата, либо почти такая же пенсия. Так что это общую картину почти не меняло.

Соотношение работающих и иждивенцев в СССР -1:1- можно было вполне заносить в Книгу рекордов Гиннеса, так как в низкоразвитых странах Азии, Африки и Латинской Америки на каждого работающего приходилось по несколько иждивенцев. И даже в вы-сокоразвитых странах Запада это соотношение было по меньшей мере 1 : 2. Наш "рекорд" объяснялся тем, что мы под совершенно справедливым лозунгом равноправия мужчины и женщины ухитрились выгнать на работу наравне с мужчинами свыше 90% женщин детородного возраста. В то время как в низкоразвитых странах подавляющее большинство женщин сидело дома с детьми. И даже в самых высокоразвитых процент работающих женщин редко превышал 60. По меньшей мере треть из них тоже сидела дома с детьми, пока те не пойдут в школу. Мы не понимали, какую могилу такой самоубийственной дуростью роим своему народу и самим себе. Мало кто понимает это и сегодня, хотя "могила" в виде начавшегося массового вырождения и вымирания населения разверзается буквально на глазах.

Так вот, более 140 млн. "работоспособных" распределялись примерно следующим образом. Более 80 млн. (60%) - "рабочие", в том числе десятков с лишним миллионов - "рабочие совхозов", которые отличались от приблизительно такого же числа "колхозников" только грошовой зарплатой, на которую все равно невозможно было прожить без приусадебного участка. Еще более 40 млн. (30%) числились как "служащие". Они делились на "специалистов" (с дипломами средних и высших специальных учебных заведений) и "неспециалистов". Удельный вес первых постепенно нарастал, так как "недипломованные" родители массами уходили на пенсию, а их сменяли "дипломованные" отпрыски. К концу 80-х гг. последние сделались подавляющим большинством, но это отдельная песня, к которой мы вернемся чуть позднее.

Из приведенного расклада выпал целый десяток миллионов неизвестно куда девавшихся "трудоспособных". Вообще-то посвященным было известно куда, но говорить и тем более писать об этом строго запрещалось. Потому что официально в СССР никакой безработицы не было. Просто оставалось еще несколько миллионов домохозяек, мужья или другие родственники которых могли позволить себе роскошь содержать такую разновидность домработниц (это были преимущественно матери многодетных семей в южных республиках). Кроме того, несколько миллионов молодых и не особенно молодых людей уже перестали учиться, но еще не пошли работать. Это можно было позволить себе только во всей той же южной полосе страны, где торговля фруктами и цветами по монополю высокими ценам приносила намного больше дохода, чем средняя зарплата на работе.

Но все это была лишь одна сторона дела, нечто вроде видимой надводной части айсберга, под которой скрывалась гораздо более существенная громада. Сущность происшедшего бедствия заключалась в том, что в стране реализованной утопии казарменного социализма наряду со всеми прочими рынками был разгромлен рынок труда. Во избежание недоразумений необходимо уточнить, что сам по себе рынок - мерзейшее заведение. Это каждый знает по собственному опыту. Но здесь - как с демократией. Помните слова Черчилля: демократия - это само плохое из того, что создано человечеством, но все остальное много хуже. Да, рынок - это Южная Корея, Колумбия, то есть далеко не рай. Но там, где рынка нет, возникла казарма. Рынок жесток: ты продаешь свои рабочие руки, а их не покупают - слишком убог навар. И ты становишься безработным, причем чувствуешь себя прокаженным, даже если живешь и ешь вполне прилично.

Казарма - дело другое. Если ты туда пристроился и не поругался с начальством, можешь спать спокойно до пенсии. Зарплата будет выдаваться исправно, даже если предприятие - банкрот. И уволить невозможно, даже если ты не только бездельник, но и

последняя сволочь. Из такой поистине сказочной ситуации проистекают разом три следствия, одно кошмарнее другого.

Во-первых, каждый начальник - нужно или не нужно - стремится набрать как можно больше подчиненных. Ведь платить-то всем не из своего кармана, но чем больше подчиненных - тем шире лампасы на штанах и просторней кабинет. Что так поражало каждого иностранца по приезду в СССР - это десяток человек там, где "у них" нечего делать одному. Но и этот десяток тоже ничего не делает, а лишь непрерывно хамит, даже беря взятки. Не менее потрясающее впечатление - полтысячи человек в любом учреждении, будь то министерство, театр или НИИ, которое по количеству продукции (качество лучше не сравнивать) полностью равнозначно аналогичному заведению "у них" с пятнадцатью тружениками. Да и среди этой полтысячи полноценно работали тоже только пятнадцать - остальные бегали по магазинам, фланировали по улицам (миллионами в одной только Москве!), сидели в кино на дневных сеансах или беспрестанно гоняли чай в курилке, седуя на множество тунеядцев.

Во-вторых, раз зарплата все равно идет одна и та же при любой работе, кому-то совесть запрещает "гнать халтуру", а кому-то - нет. В результате получилось по лозунгу: "советское - значит отличное", то есть отличное от мировых стандартов. На деле это означало, что из четырех промышленных изделий - от авторучки и ботинок до машины и ракеты - одно шло в брак сразу, два другие - попозже. И только одно из четырех, сделанное на экспорт, по заказу или по блату, было более или менее конкурентоспособно с самой презренной иностранной продукцией. Кстати, именно это обстоятельство явилось одним из решающих в пресловутом "споре" капитализма с социализмом.

Наконец, в-третьих, как известно, рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше. Советский человек в условиях "сказки, сделанной былью", где-то к 60-м годам понял, что лучше быть инженером, чем рабочим, потому что первый получает вдвое больше второго только за смешную картонку с надписью "Диплом", еще лучше стать писателем, на худой конец - ученым. Там разница уже не вдвое, а побольше и работа повеселее. И вот, как из-под земли, явились 6 млн. "инженеров" (понятно, 90% в кавычках) - впятеро больше, чем в США и втрое больше готовилось каждый год; миллион с большим гаком "врачей" - вдвое больше на тысячу населения, чем в США, но каждый третий в конце 80-х гг. не смог пройти элементарную аттестацию, т.е. был врачом не больше, чем его пациент; полтора миллиона "ученых" и 3,5 млн. "обслуги" - четверть всех ученых мира, но лишь 1,5% из них были известны мировой науке хотя бы одной ссылкой на их труды.

Как только дипломами (не будем уточнять, как и какими) обзавелись 35 млн. человек из 130 млн. рабочих, служащих и колхозников, соотношение их зарплат перевернулось. Было вдвое больше - стало втрое-вчетверо меньше. И тогда 7 млн. "дипломированных" - каждый пятый! - позорно сбежали на рабочие места "недипломированных", просто чтобы кормить свои семьи. Система народного образования, целиком ориентированная на подготовку одних лишь "дипломированных", зашла в тупик (это констатировали в 1974 г.), в коем пребывает по сей день.

То, что этот путь вел в никуда, лучше всего проиллюстрировать на примере Москвы. Население 10-миллионной Москвы 80-х гг., как и в среднем по стране, делилось ровно пополам: половина - работающие, половина - их иждивенцы. Последние, в свою очередь, делились тоже пополам: половина - младенцы, дошкольники и учащиеся, от первоклашек до неработающих аспирантов и докторантов включительно; половина - пенсионеры, включая неработающих -инвалидов допенсионного возраста. А работающие вместе с более чем полумиллионом при-езжавших ежедневно на работу из Подмосковья делились на четыре почти равные по численности группы, примерно по миллиону с четвертью каждая. Одна - начальство и его обслуга, от управдома до генсека с их секретаршами, шоферами и буфетчицами. Другая - "деятели науки и культуры", от билетерши в театре до президента АН СССР. Третья - рядовые работники "сферы обслуживания", включая не только горкомхоз, но также медицину и образование. Четвертая - рабочие "сферы производства", т.е. заводов и фабрик, в большинстве - "почтовых ящиков" строго секретной оборонной продукции.

Так вот, рядовые работники сфер обслуживания и производства год за годом сотнями тысяч уходили на пенсию, а подрастающих детей своих, как и все нормальные люди, через якобы общеобразовательные школы проталкивали в вузы и далее в начальство, науку, культуру. А на их пустеющих рабочих местах возникала "черная дыра" масштабами до трехсот тысяч человек в год. Если такую тьму вакансий заполнять приезжими с семьями, то надо было каждый год строить за кольцевой дорогой по миллионному Волгограду. А ведь не одна Москва стала такой квазивыморочной. Точно в таком же положении оказались Ленинград, Киев, другие крупные города. Посему было решено каждой такой "черной дыре" определить свой ежегодный пре-дел - "лимит". Москве он был установлен в 100 000 человек в год. Они и обеспечивали рост населения города. Москвичи, как и жители всех крупных городов мира, самих себя воспроиз-водить отвыкли.

При всех гигантских масштабах "лимитчиков", заштопать ими растущие прорехи в самых "горячих точках" городского хозяйства, особенно на конвейерах заводов, было невмоготу. Какая-то умная голова в Моссовете, точнее, конечно же, в ЦК КПСС, нашла выход из безвы-ходного положения: начать завозить на презираемые москвичами

вакансии... вьетнамцев. Сначала тысячами, потом десятками тысяч. Хорошо, что на уровне десятков тысяч кто-то догадался вовремя "снять" эту голову. Иначе сегодня у стен Московского Кремля несколько десятков бомжей из числа бывших сотрудников аппарата ЦК КПСС просили бы милостыню у проходящих мимо обитателей Нью-Ханоя. Но и в последние годы Москва и область, как и Сибирь с Дальним Востоком, все равно не избежали растущего числа миллионов закордонных пришельцев. Но это уже совсем другая, только еще начинающаяся история.

Нашу же, излагаемую здесь историю хочется завершить сообщением об открытии, пот-рясающем тех, кому сегодня за семьдесят. Мы-то, старики, всю свою постылую жизнь думали, что безработица - это только при капитализме. А при социализме ее не может быть просто потому, что не может быть никогда. И точно: на Диком Западе газеты каждый день писали о миллионах безработных, а в странах победившего их социализма - хоть бы об одном для смеха. И вдруг, здравствуйте: оказывается, в США и Западной Европе не безработные, а люди, получающие пособие по безработице. На их же рабочих местах трудятся персонажи, которые получают зарплату, меньше упомянутого пособия. В США это большей частью "латиносы" (выходцы из стран Латинской Америки - американского аналога нашего Кавказа). В Западной Европе - африканцы, индостанцы, арабы, турки, югославы, даже русские - кто угодно, только не янки, не англичане, не французы и не немцы. И только потому, что у них высокоразвитая экономика. Там же, где экономика развита слабо, безработным (полным или частичным, открытым или скрытым) был и остается каждый третий. Совершенно независимо от того, капитализм ли это или социализм, феодализм или коммунизм, называется ли такая страна Китаем или Индией, Бразилией или Советским Союзом. А там, где экономики нет вообще никакой, безработными могут быть даже двое из каждых трех. Но это уже Албания-Косово, Чечня, Афганистан и другие ареалы социального бедствия.

В феврале 1987 г. на страницах журнала "Коммунист", где в отличие от журнала "Крокодил" ни писателям, ни читателям было не до смеха, появилось краткое сообщение о наличии в СССР десяти миллионов "избыточных рабочих мест". Что бы это значило? Чуть позже один уважаемый экономист разъяснил: во-первых, это - не что иное, как скрытые безработные, получающие фактически под видом зарплаты пособие по безработице (нередко повыше весьма приличной тогда зарплаты); во-вторых, их не десять, а по меньшей мере 32 миллиона, и если добавить к ним упоминавшиеся выше 10 млн. "не учившихся и не работавших бездетных работоспособных", то получится почти треть работоспособного населения СССР. Иными словами, в СССР процент безработных был абсолютно таким же, как и в любой другой Руанде-Бурунди.

Вот с такой производственной структурой общества мы и направились в январе 1992 г. из пункта "А" - казармы масштабов гигантского вселенского стройбата в пункт "Б" -

рынок труда. За прошедшие десять лет ни до какого рынка мы, конечно не дошли. Ни до какого. В том числе и до рынка труда. С трудом добрели, то и дело спотыкаясь и падая, только до восточного базара времен Ходжи Насреддина, причем с такой тьмПЙ на нем самых разных багдадских воров, что никакому калифу ни в какой час и не снилось. А какая может быть производственная структура на бухарском базаре XV века? Это похуже вопроса о квадратуре круга.

Сколько, например, у нас занято сегодня в сельском хозяйстве? И какой процент от общего числа занятых? Ясно, что не 80%, как 80 лет назад, и даже не 20%, как 20 лет назад. Но ведь и не 2%, как ныне в США, а скорее всего, как и во всех странах примерно такого же уровня развития, катится к 10% или уже покатилося к 5-7%. Но что значит "заняты"? В селе рядом с моим домом на окраине подмосковного городка 80 лет назад работала тысяча крестьян. 20 лет назад от них остались сотня-полторы колхозников. Сегодня это не село и не колхоз, а таинственное "ООО". В нем работают два тракториста, два шофера, десяток управленцев и десяток охранников. Главный вид деятельности и дохода - продажа земли и строительство. Кто тут крестьянин, кто рабочий, кто интеллигент - это ведомо только Госкомстату.

В не менее сложном положении оказалась промышленность. Один завод выпускает продукцию на уровне мировых стандартов, успешно сбывает ее по мировым ценам и платит рабочим, правда, не по полторы тысячи долларов в месяц, как на Диком Западе, но уж по полторы сотни с гарантией. А это и есть, по российским меркам, "обзавидоваться". Другой завод (таких во много раз больше) выпускает продукцию на уровне своих собственных стандартов и сбывает ее, естественно, не по мировым ценам, а в несколько раз дешевле. Да и то только потому, что какой-нибудь зампредсовмина приказывает всем чиновникам пересаживаться с "кадиллаков" на родные четырехколесные велосипеды. Третий (их тоже немало) вот уже который год стоит как при разрухе в гражданскую войну. Как выживают там без зарплаты рабочие и служащие - это одна из загадок пресловутой "русской души". Но директор исправно получает свои 5000 долларов в месяц за сдачу заводских помещений под разные "коммерческие структуры". И честно делится с кем полагается. И все это тоже прикажете называть "занятыми в промышленности"?

Самое же главное, что если бы в США из России сбежали не три миллиона, а все тридцать, занятых в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, то остальные сто миллионов этого просто не заметили бы. Их существование определяется вовсе не урожаями и надоями на родных полях, а стоимостью барреля нефти на мировом рынке. Ценится баррель в тридцать или хотя бы в двадцать долларов - российскому профессору или пенсионеру, безразлично, перепадает тысяча - другая рублей. Упадет он до двух-трех долларов (к счастью, это навряд ли) - профессор и

пенсионер получают соответственно по сотне "деревянных". При прежних или даже более высоких ценах. И при любых подвигах на отечественных заводах и фермах. Обидно, конечно. Но что поделаешь?..

Наука всегда держалась на трех китах: способных к научному творчеству людях, их исследованиях и систематическом обмене научной информацией. Сегодня, за исключением нескольких чудаков-энтузиастов, все способное бежало от нашей науки за рубеж, в коммерцию или в лучший мир. Просто потому, что последний дворник получает втрое больше первого профессора. Ни на какие серьезные исследования денег вообще нет, а наука без исследований - это все равно что кино без экрана. Наконец, система обмена информацией (не только научной) разгромлена полностью и подменена рекламой. Тем не менее, в науке (с обслуживанием) все еще осталось около миллиона человек - примерно столько же, сколько в тюрьмах или больных СПИДом. В какую категорию "занятости" заносить каждый из этих миллионов?

И только одно хозяйство у нас растет и ширится - управленческое. 20 лет назад мы гордились тем, что на 130 млн. солдат нашей армии труда приходилось 18 млн. "генералиссимусов" - от заведующих парикмахерскими до заведующего страной. Нынче, похоже, начальников стало гораздо больше, чем простого населения. Во всяком случае, в Москве - столице России их стало в несколько раз больше, чем было в Москве - столице СССР. В чиновники подался практически каждый, кто сумел. И если сопоставить чиновничьи и нечиновничьи доходы и пенсии (не говоря уже о других благах), то причина такой тяги сразу перестает быть таинственной.

Самое смешное, если, конечно, тут уместен смех, и что общеизвестно - чем больше управленцев, тем меньше управляемости. По коридорам наших бесчисленных офисов, начиная с кремлевских и белодомовских, озабоченно снуют мириады канцлеров разного ранга. А предприятя, учреждения, организации, отмахиваясь от них, как от назойливых мух, живут своей собственной, особой жизнью с совершенно иными законами физики, химии, биологии, управления и социологии. Мало того, директор топает ногами и ругается последними словами, а его завцехами и завлабы, если и ведут ухом, то совсем в иную сторону. Словом, давно установлено: жуткая свирепость российских законов и любых приказов в значительной степени умеряется тем обстоятельством, что их - законы и приказы - никто никогда не выполняет. Тем более, что старые законы вышвырнуты на свалку истории, а новые все еще разрабатываются и когда будут разработаны - неизвестно.

А как все же обстоят дела с занятостью? И вот тут продолжается сказка про белого

бычка, начатая еще при советской власти. Да, в списках безработных на биржах труда их, действительно, не особенно много. А в Москве вообще сколько ищут работу, столько же ищет и сама работа. Но ведь мы же живем не столько в Европе, сколько в Азии. А в Азии закон: если отец (у нас также и мать) семейства зарабатывает хоть на копейку больше того, что нужно, чтобы не помереть с голоду, он (она) обязательно будет содержать на своей шее столько будущих джигитов и джигитш, сколько сможет. Хоть до самой их, подрастающих аксакалов, пенсии. Пока не найдется синекеры, достойной юного абрека обоего пола. Такой публики у нас во много раз больше, чем стоящих в очередях на биржах труда. И исчисляется она миллионами. Но ни в какую статистику не попадает. В лучшем случае, значится как "частичная безра-ботица".

Есть еще одна разновидность, о которой мы уже упоминали применительно к советским временам, - безработица скрытая. Что означает зарплата ниже прожиточного минимума, представляющая пособие по безработице под видом зарплаты? Она означает, что обществу, стране твоя трудовая деятельность необходима, а государству, расположенному на той же территории, - категорически нет. Невозможно представить себе самого плевого чиновника с зарплатой ниже прожиточного минимума. Ибо он олицетворяет государство. А вот инженера, агронома, врача, ученого, учителя, художника, офицера - сколько угодно. Ибо они только осложняют жизнь чиновника, т.е. государства.

Складывая разновидности безработных, получаем ту же картину, что и в Китае, Индии, Бразилии или Нигерии: полный или неполный, явный или скрытый безработный - каждый третий. Это побольше двух десятков миллионов из шестидесяти с хвостиком "работоспо-собных" (не считая учащихся старше 18 лет). Вот из какого болота приходится тащить нашего бегемота. Правда, на Руси уже больше тысячи лет в подобных случаях никогда не задавались вопросом: "что делать?". Всегда ограничивались другим: "кто виноват?". Найдя на него ответ, можно было не обращаясь на все остальные пустяки никакого внимания. На сей раз "козел отпущения" нашелся поразительно быстро. Как оказалось, это не кто иные, как наши злосчастные отцы и матери семейств.

Действительно, пока человек выступает в роли работника, гражданина или всесторонне развитой личности, его еще можно с грехом пополам терпеть, но как только он становится дедушкой или, того хуже, бабушкой, с ним происходит трансформации. Он перестает замечать разницу между своими в равной мере любимыми ребенком и кутенком. От того и другого одинаково требуют две вещи: радовать взор поведением и приносить как можно больше медалей с ближайшей выставки щенков (вариант: школы). Хотя у того и другого иные цели и ценности. Мало того, еще не родился тот родитель, который не хотел бы видеть своего отпрыска Аллой Пугачевой, помноженной на

Эльдара Рязанова и весь прежний президиум Российской академии наук скопом. Ни на что меньшее никто не согласен. Ради этого каждый предок снимает с себя последнюю рубашку и 22 года подряд непрерывно дает взятки - начиная с 10-рублевой "Аленки" нянечке в детсаде и кончая 5000 дол. в пакете с коробкой конфет в канцелярию хоть коммерческого, хоть некоммерческого вуза.

Справедливости ради следует уточнить, что есть один аспект, в котором родитель оказы-вается выше начальника. В отличие от правительства, родители - мамы и папы, бабушки и дедушки - хорошо понимают, что выпускать 18-летних младенцев (других сегодня в этом возрасте не бывает) в самом буквальном смысле во чисто поле, называется ли это поле армией или уличным криминалом, что безразлично, может только лютый враг самому себе и своему народу. Поэтому они и стремятся любой - любой! - ценой подольше удержать своего ребенка на скамье школьной или студенческой, лишь бы подальше от скамьи подсудимых. Прекрасно понимая, что лишь считанные проценты выпускников средних и высших специальных учебных заведений пойдут потом работать по специальности, начертанной на вывеске такого заведения.

Короче говоря, сколько ни топчись на описанном нами восточном базаре, к настоящему рынку труда все равно придется идти и дойти. Других вариантов, кроме возвращения в казарму со всеми проистекающими последствиями, просто не существует. А что такое рынок труда? Абсолютно то же самое, что овощной и вещевой: это прежде всего спрос и предложение (мы опускаем здесь мафию, рэкет, обмер, обвес и прочие неотъемлемые атрибуты каждого рынка, заслуживающие специального разговора). Спрос изучается нынче всем хорошо известным маркетингом: что и почему хорошо раскупается, а что и почему залеживается. И сообразно полученным результатам больше завозится одного и выбрасывается на свалку другого. Вы только подумайте. С одной стороны, у нас свыше шестидесяти миллионов людей, способных работать. При надлежащих условиях - хорошо работать. Это примерно столько же, сколько в городах США или Китае (миллиард китайских крестьян - особая статья). С другой стороны, у нас столько природных богатств, сколько не наберется в США и Китае вместе взятых. Это тебе не Финляндия, где все богатство - озеро и скала с сосной над ним, и работников меньше, чем у нас в самом захудалом ЖЭКе. Теоретически мы должны были бы при таком соотношении сил жить впятеро лучше, чем в США, и вдесятеро - чем в Финляндии. А на деле все наоборот. И причина в том, что между армией работников и горой отечественных богатств стеной стали не самые честные на Земле люди, которых меньше всего заботят судьбы России, а больше всего - свой собственный бездонный карман. А вот как эту китайско-берлинскую стену снести, чтобы работник и объект его труда слились в экстазе на благо людям - такую проблему стоило бы обсудить специально.

Здесь же придется ограничиться только маяком-ориентиром - в каком направлении

двигаться. Образно говоря, идеальная производственная структура общества близкого будущего представляется примерно такой. Из каждых десяти работающих один должен быть кормильцем на уровне знаменитого агронома Терентия Мальцева. Другой - "технарем" на уровне Калашникова. Третий - "транспортником" на уровне Туполева. Четвертый - ученым на уровне Жореса Алферова. Пятый - портным на уровне Зайцева или Юдашкина. Шестой - поваром экстракласса (не приходит на ум равнопорядковая фамилия). Седьмой - врачом на уровне Святослава Федорова. Восьмой - педагогом на уровне Сухомлинского. Девятый - художником на уровне Ролана Быкова. И только последний, десятый, - управленцем на уровне Лужкова. Если же десяток Лужковых навалится на одного Юдашкина, то получится Россия конца XX -начала XXI века, и ничего больше. Как только до нас дойдет эта нехитрая истина, останется для начала сущий пустяк: реформировать нашу начальную, среднюю и высшую школу так, чтобы она готовила молодежь к жизни - каждого по способностям. И прежде всего - по потребностям общества в целом.

Вот такая перспектива, если в очередной раз не возжелаем утопии. К примеру, той, которую изобразил писатель-фантаст Курт Воннегут-младший. Представьте общество, где всю работу за людей выполняет гигант - некая электронная машина, ее обслуживает горстка технократов. Вместе с членами семей, прислужой и охраной это не более 5% населения. Куда деваться остальным? Фантазия Воннегута разделила их на две равные части. Одна составила "трудовую армию", солдаты которой с утра до вечера пересыпают что-то из пустого в порожнее - просто, чтобы убить время. Другая - жандармерия - стережет эту "армию" с винтовками в руках, чтоб не взбунтовалась. Понятно, это добром не кончится.

Нравится? Если нет, давайте подумаем над альтернативами, и первыми, на наш взгляд, должны задуматься социологи.